

Сергей Шойгу

Про вчера

Рассказы из книги¹

Куда приводят мечты

В стране была тогда шестидневная рабочая неделя. Суббота — короткий рабочий день до трёх. В Туве, в Кызыле, всё было как и везде.

Период послевоенного восстановления кончился недавно, и люди по-прежнему много трудились. Естественно, пристраивали детей каждый по-своему. Кто-то отдавал бабушке и дедушке, а кто-то — в детский сад.

Была и придумка того времени — круглосуточный детсад. То же, что интернат, только для дошколят четырёх, пяти, шести лет. Детей туда сдавали либо в воскресенье вечером, либо в понедельник утром. И забирали: кто успевал — в субботу, кто нет — в воскресенье.

Мы, дети, конечно, ждали субботу. С самого утра после завтрака лезли на подоконники и прилипали к замёрзшим окнам, дышали на стекло, чтобы растопить маленький просвет, через который были видны очертания автобусной остановки. Когда подходил автобус, все припадали к стеклу в надежде увидеть родителей. Проходила минута, другая — и раздавался чей-нибудь радостный крик: «Папа!», «Мама!».

Остальным снова приходилось ждать.

Многие, наверное, помнят это чувство, которое бывает только в детстве и которое сравнить-то не с чем. Кажется, если родители за тобой прямо сейчас не придут, жизнь кончится.

И сегодня отчётливо помню те оконные рамы, покрашенные десятки раз — новые слои поверх старых, по облупленной краске, с заполнением кисти на стекло, поверх замазки.

Чаще всего в детском саду дотемна (зимой темнеет рано) оставались двое — я и мой друг Володя Эйснер. Как я сейчас понимаю, он был из семьи переселенцев, коих в ту пору было в Туве, да и в Сибири, достаточно много. В середине пятидесятих годов прошлого столетия в Туву переселялась часть высылаемых жителей Западной Украины и Прибалтики (например, в селе Аржаан жили поселенцы из Эстонии), в это же время, после послабления режима переселения в Сибири, отдельные группы переселённых немцев приезжали жить и работать в Туву. Поэтому мать Володи Эйснера могла приехать как переселенка. Другой пример:

в это время в Туране жили семьи Вебер, Фогель. Их потомки до сих пор в Туве. Кто-то вернулся в свой город, а кто-то прижился и остался. С Володей мы потом учились вместе до четвёртого класса. У него была только мама, работала уборщицей в нескольких местах. Хотя через столько лет могу и ошибаться.

В детском саду отопление было печное. Ближе к вечеру приходил истопник и начинал греметь ведрами с углём. А мы стояли и с ужасом ждали этих страшных слов от дежурной воспитательницы: «Всё сегодня. Всем спать, завтра вас заберут».

Уходя на свои кровати, мы всё равно надеялись, что родители сейчас приедут, успеют, разбудят и в промёрзшем автобусе, один в один как в фильме «Место встречи изменить нельзя», мы поедем домой. На день, на полдня, но домой.

Перед новым, 1960 годом нам раздали подарки: с любовью сделанные воспитателями картонные коробочки в виде долек арбуза, а внутри — конфеты, печенье, орехи. Всё, что удалось завезти в далёкий сибирский угол.

Меня забрали. В предчувствии других подарков, дома, ёлки и того, что еду не на один день, а на целых два, прижимая к груди дольку картонного арбуза, я ехал в автобусе, забыв Вовку, который остался у замёрзшего окна, ковыряя замазку и дыша на стекло.

Вовку Эйснера не забрали. Он остался. Последний ребёнок в детском саду. Заистерил. Дежурная тётка-воспиталка, по-другому её назвать нельзя, в жуткой злобе, что не может уехать домой из-за одного малыша и его матери, потащила его в спальню. Вовка цеплялся за всё, что было у него на пути. Она схватила его за ухо, подняла и, пока не увидела хлеставшую кровь из почти оторванного уха, волочила его спать.

Врачи ухо пришили. Я увидел перевязанного Вовку уже после Нового года. Оторванное ухо не освобождало его от детского сада, а мать — от работы. Заставить начальство поверить словам ребёнка, доказать, кто виноват, тогда было гораздо

1. Про вчера / Сергей Шойгу. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Великое время. Великие имена).

сложнее. Не было, как сейчас, ни видеокамер, ни Интернета.

После вождя

Вечерний разговор с отцом, я маленький, он говорит со мной как со взрослым. Это было то самое время, когда уже стали разбираться, понимать, что и Сталин был, и у нас в республике тоже не всё было правильно. На вид была самостоятельная страна Тува до октября 1944 года, но нравы и режим были похожи на советские. Судить мне об этом сложно, да и не нужно, и понятно почему.

Я и не собираюсь критиковать то поколение. Потому что к тому поколению относятся в том числе мои дедушка и бабушка—активные ревсомольцы, которые занимались разного рода делами. Но некоторые вещи, которые я делаю в республике и для республики,—это я отдаю долг, можно сказать. И долг этот—от ощущения того, что мои бабушка и дедушка, может быть, имеют отношение к тому, что тогда происходило. Настаиваю: они ни в чём не виноваты.

Скажем, было время, как и в Советской России, разрушения храмов. В нашем, тувинском, случае—буддийских храмов. Я не знаю, причастны они к этому или нет, но ощущение, что могли быть причастны, меня не оставляет. Поэтому я помогал и продолжаю помогать в возрождении нескольких храмов, в том числе и главного храма недалеко от того места, где я родился.

Естественно, я рос и задавал вопросы—о том, что это было, почему это было. И отец рассказал мне историю. Теперь, думаю, и я могу её рассказать.

Когда шло развенчание культа личности Сталина, а я помню, как у нас в парке стояли памятники Ленину и Сталину, а потом, в один из выходных, я заметил, что памятника Сталину нет, снесли,—я не понимал, почему снесли.

Прошло, может быть, пятнадцать лет с того времени, и я спрашивал родителей уже с другим подтекстом: «А как? Вы что, ничего не замечали, когда Сталин бы жив?» И они совершенно искренне говорили: «Да, мы верили, несмотря ни на что, не жалеем об этом, да, всё это было».

Отец до конца своих дней оставался коммунистом, платил взносы до последнего месяца своей жизни. Перебирая его документы, я увидел, что он платил взносы из тех денег, которые я ему отправлял в девяносто первом, девяносто втором году.

Однажды отец довольно откровенно мне рассказал, что руководителю республики, человеку, возглавлявшему Туву до вхождения в состав Советского Союза, принимавшему участие во вхождении, сказали: «Смотри, в Москве развенчали культ, покаялись, и жизнь продолжается. Может быть, и здесь стоит так сделать?» Он ответил: «Я подумую».

У нас была другая жизнь, другая страна.

И в какой-то из дней, рано-рано утром, буквально на кромке рассвета, он заехал за отцом, и они вдвоём поехали на берег Енисея. Там горел большой костёр—бумаги, папки. И тогда первый секретарь обкома республиканского комитета КПСС, Салчак Тока, сказал моему отцу: «Ну вот, собственно, и всё».

Он просто взял все архивы, вывез их на берег и сжёг. После этого он руководил республикой ещё почти двадцать лет, до 1973 года.

Через много лет отец написал книгу. Тех событий она касается едва-едва, в ней—о нашем роде, о нашей семье, о том, как они жили и как они сами попали под эти репрессии.

Вспоминаю встречи с довольно пожилым человеком, который был нашим родственником, скажем так—моим дедушкой, но не по прямой линии. С братом моего деда. Звали его Серен Кужугет. Он работал чабаном—кстати, в колхозе, который некогда носил имя Лазаря Кагановича. Как-то раз мы заехали к нему. Я спросил отца: «А почему он в таком возрасте всё ещё чабан? У него такие родственники, а он по-прежнему пасёт овец и никуда не хочет...»

И тогда отец рассказал мне простую до боли историю. В 1925 году Серена Кужугета направили на учёбу в военное училище в Тверь.

В 1929 году он вернулся на родину и был назначен командиром Народной революционной армии Тувы. Создавал армию. В 1938 году его и других военных арестовали по сфабрикованным делам. Как и многих тогда. Приговорили к высшей мере, но в какой-то момент заменили смертный приговор длительным тюремным заключением. После вхождения в состав Советского Союза—после того как умер Сталин и развенчали культ личности—их выпустили. Кого-то даже реабилитировали.

С учётом того, что он знал русский язык, был хорошо образован по тем временам и для тех мест, ему много раз предлагали возглавить сельсовет, стать районным депутатом, разные большие по местным меркам должности. Но он всегда отвечал на все предложения: «Достаточно».

Всю жизнь, после того как вышел, он работал чабаном, никуда не стремился и ничего не хотел.

И никогда ни о чём не рассказывал, никогда никого не критиковал, был абсолютно всем всегда доволен.

Не знаю, как сейчас оценивать всё то, что происходило тогда. Наверное, это всё можно называть и становлением республики, и становлением страны, государства, нового строя, нового режима.

Это сегодня все учат жить, а тогда научиться было некому. Не так много было людей, которых можно назвать голосом народа, совестью нации. Очень мало было тех, кто мог говорить от имени людей.

И вообще не было тех, кто, как сегодня, смотрел бы на ситуацию со стороны и мог судить, что

происходит и как должно происходить, куда мы идём. Я таких не видел.

Это сейчас мы уже читаем какие-то исторические выкладки, что вот, «подписали коллективное письмо». Но тогда мы этого не замечали, тогда мы этого не видели, потому что это были единичные случаи. Но сложно представить, чтобы тогда у нас появился человек, который дал бы себе абсолютное право без всяких оснований о ком-то судить, кого-то судить, осуждать, клеймить позором и уж тем более быть нравственным эталоном.

Откровенно скажу: многие, кто выступал тогда с трибун съездов, мне казались достаточно неискусственными. Но были и те, кому, казалось, можно верить. Потому что они были невероятно талантливые, сделали невероятно много, писали великие произведения.

Тут я не могу не вспомнить Шолохова, который, выступая на Втором съезде писателей СССР, сказал такую фразу: «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством». И мне не казалось, что он лукавит.

Да и сейчас не кажется.

Волочанка

Таймыр, Волочанка, 1974 год. Зона вечной мерзлоты. Мы ещё не знаем, что «так жить нельзя», и осваиваем, как и многие до нас, Север. Ещё живём в том времени, когда, как на Аляске или в Канаде, тысячи Ан-2, Ми-8, Ми-2 «летали на лыжах». То есть садились и взлетали на поплавках, и было это совсем обычным делом. Так и добирались—до Таймыра, Эвенкии—на маленьких, медленных, промёрзших кастрюлях той самой малой авиации, о восстановлении которой мы сегодня мечтаем и много говорим.

«Курить можно?»—«Кури на здоровье, пепел вот сюда».

И отодвигается пятак дюрала, как дверной глазок, за ним—атмосфера, то есть уже улица, небо. На земле минус сорок пять, там, за бортом, в небе, и того ниже. Рядом молодая мама, младенцу на её руках не больше недели. Она достала грудь и кормит, от груди идёт пар. На вопросительный взгляд спокойно отвечает: «Чтобы не кричал, у него ушки».

Кажется, что через полушубок прямо с сиденья, с покрытой дерматином алюминиевой лавки, мороз проникает в позвоночник, от копчика до затылка, превращая в камень всё—почки, печень, желудок—весь ливер, и это не разморозится никогда. А тут спокойное: «Чтобы не кричал, у него ушки».

Под шум мотора, который, кажется, лежит у тебя на коленях, все как-то разговаривают и как-то слышат друг друга, всё просто и обыденно.

Через два дня возвращаемся вроде бы тем же бортом, хотя их много и можно перепутать. Тот же холод. Завелись, рычим, с места кастрюля не двигается. Пилот кричит в салон: «Мужики! Кто поздоровее?»

Думал, скажет: «Подтолкните». Нет, пристыли лыжи. Достаем киянку—деревянную кувалду, стучим по лыжам, лезем обратно на борт. Дальше штатно: взлетаем, летим. Опять всё обычно и просто.

Летом веселее: и видно больше, и день—день, и ночь—день. Тут уже вертолёт, и можно поспать на полу. Спальников, рюкзаков и всякой всячины, которая не важно когда, но обязательно пригодится, на борту полно.

В углу вижу длинный тонкий тросик, на конце которого что-то вроде якоря, сваренного из арматуры. На вопрос: «Зачем, это ж не лодка?»—так же обыденно и просто нахожу ответ, когда вижу сеть, перегородившую речку. Подлетаем ближе, цепляем крючком, поднимаем, отлетаем подальше и выбираем из сети рыбу. Что дальше с сетью, весьма дорогим и дефицитным орудием промысла, не знаю. Может, рыбакам вернули. Может, другим отдали.

В Волочанку, таймырскую деревню, мы летали, потому что строили там школу-интернат для детей местных народностей—долган и нганасан, оленеводов.

Вокруг тундра. Мхи. Озёра. Зимой мороз страшный. Первая метель может случиться в сентябре, последняя—в июне.

В Волочанке соблюдался сухой закон, спиртное продавали раз в неделю—в пятницу вечером.

И многие, если не все, от мала до велика, ждали этого вечера. С материка в тот год были там только мы и ещё трое, появившиеся задолго до нас.

Этих троих хорошо помню.

Она—продавец, повар, товаровед, заведующая складом и столовой в одном лице. Сослали её то ли за тунеядство, то ли ещё за что-то. Подавала на материке дурной пример. А в Волочанке она в великом почёте, здесь её прозвали Царицей Горы. Ведь только от неё зависит, кому и сколько достанется спирта, ликёра «Мятного» и «Бенедиктина». И только она могла отпустить все эти дары не в пятницу вечером, а когда горящая душа возжелает.

А это могло произойти, например, во вторник утром. Но достать у Царицы Горы выпивку в неполюженное время приравнялось к покорению Эвереста.

Представители малых северных народов, в том числе долгане и нганасане, быстро пьянеют. Нулевая устойчивость к алкоголю. Без тормозов. Поэтому в воскресенье утром на спирт или любой другой напиток с градусами менялось всё: унтайки, шкуры песца, шапки, парки, ибо к утру воскресенья у местных кончались запасы горячительного.

И было им очень плохо, как и многим другим народам нашей страны.

Некоторые ушлые гости с материка пользовались этой ситуацией. Пытались обогатиться. Знакомые тайком доставляли им в Волочанку спирт в грелках и термосах. А они каждое воскресенье за сто граммов или двести получали от местных драгоценную пушнину.

Местные умирали с похмелья и несли шкурки, меховые изделия. Но, как правило, приезжие менялы ничего не зарабатывали: всё это при отлёте домой по жалобам оленеводов изымалось и возвращалось этим замечательным, добрым людям, абсолютно не приспособленным к привычной нам жизни.

Второй — директор школы, ссыльный из Риги. Никто не знал за что... Но факт, что сослан. Местный интеллигент.

Его рассказ про первую для северян лекцию о творчестве Сурикова и сегодня кажется диковатым.

Собрал оленеводов с семьями, поставил диапроектор, повесил простыню, начал. В момент показа картины «Переход Суворова через Альпы» в зале загудели. И вдруг один из, видимо, уважаемых людей и, видимо, под действием «пятницы» громко закричал: «Видите! Злые люди идут на нас, надо защищаться!»

Все разбежались, кинулись к своим упряжкам, схватили карабины, встали вокруг села. Как пояснил учитель-директор, много времени понадобилось, чтобы их успокоить. И он сделал главный для этих мест и для себя вывод: прежде чем нести «доброе, вечное», надо заслужить их доверие.

Потом я в этом убеждался много раз. То, что люди живут не так, как мы на материке, совсем не значит, что живут хуже и нам надо бороться за их светлое будущее.

Устроили банный день, собрались на Хету.

Река широкая, насколько помню — метров триста-четырееста. Серые песчаные отмели. Быстрая светло-коричневая вода.

Стирали портянки, спецуху, купались, отбиваясь от мошки и комаров. Вдруг видим: на реке перевернулась лодка, а в ней плыл старик-нганасан. Старик тонет. Кинулись, достали, откачали.

И вот тут самое интересное. Его жена бежит, кидает в нас камни и кричит: «Он решил его забрать! Вы помешали!» И хотела, судя по всему, чтобы мы бросили его назад в реку.

Третий — огромных размеров мужчина в возрасте. Всегда молчавший (пока не выпьет). По

рассказам местных, периодически он уходил в тундру. Куда? Зачем? Местные только догадывались. Он так и не смог, а может, и не стремился стать для местных своим. Приходил к нам по вечерам, рассказывал о старых временах. Признался, что дошёл сюда пешком ещё в тридцатые годы из Дудинки.

Это четыреста километров по тундре. Ладони у него были большие, как две сковороды, и спокойно лежали на коленях до приёма трёхсот-четырёхсот граммов спирта. А после этого становились опасно-непредсказуемыми. На фронте не был, не воевал. На расспросы о том, как жили в Дудинке до войны и была ли она вообще, отвечал мрачно, пьяно: «Не помню, давно было, давно ушёл. Как кому-то порубали, так и ушёл. С тех пор тут, в Волочанке».

Правда это или нет, сейчас не проверишь. Тогда он был очень убедительным и немногословным. Пока не выпьет...

Материалы на стройку завозили по реке. В то время уже был «северный завоз»³. К нему готовились все без исключения. Везли топливо, строительные материалы, технику, продукты, бытовые товары. За срыв — исключение из партии, уголовное дело, снятие с работы. Но и в этой архиважной судовой программе была особая часть — «завоз по быстро мелеющим рекам», то есть по большой воде. Иначе никак. И тут были речники — особые мастера.

В Волочанку везли так: пришло судно — срочно разгрузить. Вода падает (уже отошла от временного причала). Слава Богу, полярный день — круглые сутки. Что-то роняли в воду, ныряли, доставали, сваливали на берегу в кучу. И уже потом на «пене» — это такой лист железа — на тросах подцепляли к бульдозеру и везли всё это на площадку. Много работали и по тем временам много зарабатывали. И, конечно, к концу стройки каждый имел по несколько специальностей.

При школе, которую мы строили, должен был быть открытый стадион — футбольное поле, гаражная дорожка для бега. Без стадиона объект никак не сдать, а это значит, что денег не увидишь.

На простой и, казалось бы, логичный вопрос: «Зачем? Когда дети приезжают — уже лежит снег, уезжают — ещё лежит», — последовал лаконичный ответ: «Так заложено в проекте!»

И это справедливо — у местных детей малых народов должно было быть не хуже, чем у детей «большой земли».

Срэзали в тундре дёрн, тем же единственным бульдозером отбили дорожки...

К слову, нганасан осталось всего человек восемьсот, и значительная их часть оседло живёт в Волочанке. Ещё человек сто кочуют по Таймыру, охотятся, делают сувениры для гостей с материка. Лечатся у своих шаманов. Шаманам помогают дядмады — духи в образе зверей.

2. Комса — комсомольские активисты, устаревшее просторечие.

3. Северный завоз — государственное мероприятие по обеспечению территорий Крайнего Севера жизненно важными товарами в преддверии зимнего сезона.

Северные реки с низкими берегами постоянно ищут новое русло. Многое исчезает. Но остаётся память о соотечественниках, которые разводили в том краю первые костры, а столетия спустя зажигали электрические лампы в школе.

Люди с «большой земли» и сейчас продолжают работать там. Помогают местным богам заботиться о коренном населении, которое в них по-прежнему верит. Хочу побывать там. Хотя знаю, что школа через несколько лет сгорела, и многих уже нет, и страна другая. Обязательно съезжу.

Предприимчивый механизатор

Он через каждые два-три слова произносил «сука-на», и получалось это у него очень гармонично и для райцентра Новосёлово вполне себе естественно.

Нас свела с ним, механизатором широкого профиля, любовь к спорту. В 1972 году только поступивших в Красноярский политех, нас, молодых абитуриентов, отправили в колхоз, так это называлось. А в целом—помогать селянам с уборкой всего, что рождала сибирская земля. Кого отправляли на турнепс, кого на картошку. Для нас в данном случае это был новосёловский ХПП, то есть хлебоприёмный пункт, куда день и ночь, как всегда в то время—авралью, ехали и ехали бесконечной чередой машины, гружённые зерном. Смены были разные, и днём, и ночью, но жизнь на разгрузке не кончалась, да и не начиналась. Просто это был эпизод начала студенческого вольного бытия, узнавания друг друга нас, семнадцатилетних, делающих первые шаги в самостоятельную жизнь.

Сразу по прибытии в этот «филиал центра мировой культуры» начались поиски точки телевизионной трансляции. Тысяча девятьсот семьдесят второй год, далеко не в каждой деревне был хотя бы один телевизор, не говоря уже про каждый дом. Напряжение по поиску росло по мере приближения знаменательного и сегодня великого события—хоккейного сражения СССР—Канада.

И вот тут на автоподъёмнике—он, механизатор «сука-на», с телевизором дома. К переговорам подошёл серьёзно: «Короче, сука-на, приходите к вечеру, поговорим-на, глядишь, и сговоримся. Мне-то ваш хоккей, сука-на, по херу, да и поздно-на, а с вас ни дать ни взять. А мне, сука-на, и жинке рано вставать. Корову доить, свиней кормить, курей, сука-на, опять же. Приходите».

А это семь километров, может, меньше, но тогда казалось больше—от ХПП до его дома.

Пришли.

«Ну чё, сука-на, пора картошку убирать, а то зимой скотину кормить нечем будет. А её, сука-на, вона сколько, почитай гектар засажено. Короче, десять соток—один матч. Выкопали—посмотрели, не выкопали—слушайте результат завтра по „Маяку“».

И вот, поразгрузив восемь часов машины, бежали к механизатору впятером или всемером. Копали как попало эти сотки и, успев только снять сапоги и помыть руки, абсолютно счастливые, усаживались на пол, на табуретки, как могли, чтобы только видеть экран.

Все помнят драматургию первой игры и желание побежать туда, за океан, и поддержать наших после первых 2:0. Все помнят, как пробудилась и распирала гордость после 2:3 в нашу пользу, как крепла вера в наших: мы их сделаем! Не можем не сделать! Мы лучшие! Якушев, Харламов, Рагулин—у борта мы можем и похлеще, так что зря вы без шлемов, патлатые пижоны.

И наш владыка картофельных полей и кучи скотины, таборов кур и индеек втянулся, загорелся, включился и уже ко второй игре не так пристально рассматривал выкопанные ряды. Жена его отварила и залила топлёным салом со шкварками и луком картошку, которую мы из одного чугунка ложками, без хлеба и тем более без ста граммов, уже к концу первого периода поглощали...

Перед четвёртой игрой приобщённый к хоккею механизатор, как ему казалось, по-доброму сказал: «Ну чё, вашу дивизию, банька топлена, мои-то, сука-на, все помылись, вода натасканная ещё осталась, давайте-на помойтесь-на, а то чё-то подваниваете».

Благодарность наша и Валерию Харламову, и Борису Михайлову, и Александру Якушеву, и за картошку со шкварками, и за баню, и за приготовленную к последней трансляции то ли курицу, то ли утку долгие годы оставалась невысказанной и непереданной. Только в новой России появилась возможность рассказать великому игроку и замечательному человеку Александру Сергеевичу Якушеву («Як-15») эту историю и выразить нашу благодарность за потрясающий спектакль, который смотрела вся страна.

Задаю себе вопрос: счастье—это как?

Это вот так!